

Пушкин Александр Сергеевич

**Письма А.С. Пушкина к
брату Льву Сергеевичу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич П.**
Письма А.С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу / Пушкин Александр Сергее-
вич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-519-79948-5

ISBN 978-5-519-79948-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстоянн другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленныя конвой—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной

Да пришли мнѣ казюши—съ Михайломъ.»

д). Стихи, писанные (по мнѣнію С. А. Соболевскаго) рукою Льва Пушкина—Изъ Шиллера (Пуншевая пѣсня: «Силы четырехъ» и проч.)—и напечатанные г. Анненковымъ въ VII т. Сочиненій Пушкина.

е). Два черновые проекта писемъ матери Пушкина къ Государю, писанные неизвѣстною рукою; содержаніе: такъ какъ Псковскіе доктора не могутъ вылѣчить поэта отъ аневризма въ ногѣ, которымъ онъ страдаетъ болѣе десяти лѣтъ, то мать испрашиваетъ дозволеніе перетхатъ ему для операціи въ Ригу или другой какой городъ.

Отрывки изъ писемъ А. С. Пушкина къ брату вошли въ составъ «матеріаловъ для его біографіи», изданныхъ г. Анненковымъ. (См. I т. Сочиненій Пушкина.) Печатаемъ эти письма съ удержаніемъ правописанія поэта.

пользы Россіи, скоро сблизить насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и можетъ быть сбудется для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка, съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но не лзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа — они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ приѣхали мы въ *Керчь*. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я — на ближней горѣ посреди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубовыстѣченныхъ — замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человеческихъ. Гробъ-ли это, древнее-ли основаніе башни — не знаю. За нѣсколько верстъ оста-

новились мы на *золотомъ холмѣ*. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города *Пантикапеи*. Нѣтъ сомнѣнiя, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканiй — но ему не достаетъ ни денегъ, ни сведенiй, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча приѣхали мы въ *Кефу*, остановились у Броневскаго, человека почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ — и подобно старику *Виргилiя*, разводитъ садъ на берегу моря, не далеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человекъ, но имѣетъ большiя сведенiя объ *Крымѣ*, сторонѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ *Тавриды*, въ *Юрзуфа*, гдѣ находилось семейство *Раевского*. Ночью на кораблѣ написалъ я элегiю (*), которую тебѣ присылаю; отошли ее *Грегу* безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскiя селенiя; онъ остановился въ виду *Юрзуфа*. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшiя минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго *Раевского*. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ человека съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель *Екатерининъ*.

(*) «Погасло дневное свѣтило.»

скаго вѣка, памятникъ 12 года, человекъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ-ли я щастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался — щастливое, полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь-ли ты со мной? скоро-ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайній мѣръ пиши ко мнѣ — благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію — доброй, умной старушкою — къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ.
 Рускимъ безвѣстную! . . . (*) я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все-ли еще сні въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! прости. Обними-же за меня

(*) Такъ въ подлинникѣ.

Кюхеб... (') и Дельв(ига) — Видишь-ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братнѣ.

Пушкина.

2.

(Изъ Кишинева).

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ письма твои слишкомъ коротки — ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ — жалтю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружнйй голосъ — что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать эгегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно. — Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя — это меня бѣситъ — я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней — тогда дѣла пойдутъ иначе. — Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ, онъ правъ — я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой — но у меня шла голова кругомъ. — Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». — Къ тому-же ни Гнѣдичъ со мной,

(') Кюхельбекера.

ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Г. я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. — Спроси у Дельвига, здоровъ-ли онъ, все-ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ — каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. — Посылаю тебѣ мои стихи, напѣчатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждой стихъ — правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усь,
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ Французъ,
Клеонъ — умомъ ее стращая,
Дамисъ — за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, мол Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На К.

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Въ ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.

Твой другъ Демьянъ.

(Изъ Кишинева 1822).

Б р а т у.

Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь — я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покажѣсть я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по руски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду рускую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое *сotвореніе міра* Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. (*) прошлаго года? кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напѣчатали. Кто ее такъ напѣчаталъ? пахнетъ Глиной. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ (**)—и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими

(*) Пушкинъ спрашиваетъ о критическихъ вопросахъ, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества 1820, часть LXIV, по поводу «Руслана и Людмилы» (Смотри подробности въ 1 т. Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, стр. 66—67.)

(**) Никита Всеволодовичъ.

друзьями—экземпляров(ъ) 50. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. (') его, L. D. его, Овощникову (**) его, Лампу его—и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова—пожелай здравія Калмыку (***)—и напиши мнѣ обо всемъ.

Пришли мнѣ «Тавриду»—Боброва. Vale.

Твой братъ А.

27 Іюня.

Тутъ же на послѣдней страницѣ приписка:

С е т р ь:

Etes-vous de retour de votre voyage? avez vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? celà vous a-t-il amusé? aimez vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez vous? avez vous revu la voisine montez vous à cheval? quand revenez vous à Petersbourg? que font les Korf? êtes vous mariée, . . .

(') Т. е. Veuve Clicquot Pontchartrain — клеймо шампанскаго.

(**) Танцовщица.

(***) Веселое общество, собиравшееся у Бсезоложскихъ, называлось *Зеленою Липою*; въ числѣ прислуги у нихъ былъ калмыкъ. (См. въ Московск. вѣдомостяхъ 1855 г. № 142-5 статью Бартенева: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи» и замѣчаніе, высказанное въ той же газетѣ по поводу этой статьи).

..... doutez vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie (*).

4.

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtems de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aises de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

(*) *Переводъ*: Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? Посѣщала ли опять Нарвскія подземелья, замки, каскады? занимало ли это тебя? любишь ли ты по прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? Что тебя забавляетъ? Что ты читаешь? Видѣла ли ты опять сосѣдку.
 Вѣдишь ли верхомъ? Когда возвратишься въ Петербургъ? Что дѣлають Корфы? За мужемъ ли ты?
? Не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? Прощай, мой доброй другъ.

Point de petits soins, défiez vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charnés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart du tous est une perfidie. — Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapaïou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère: croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sau-